

Навстречу 90-летию со дня рождения М.К. Петрова

МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА М.К. ПЕТРОВА: ЗАМЕТКИ СТУДЕНТА И ЧИТАТЕЛЯ (статья третья)

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *Предметом анализа выступает пиратская гипотеза М.К. Петрова. Рассматривая обоснованность критики данной гипотезы Э.В. Ильенковым, автор статьи предлагает рассматривать пиратскую концепцию М.К. Петрова в контексте результатов исследований Ф. Броделя и Л. Хайда.*

Ключевые слова: *петроведение, науковедение, научное сообщество, пиратство, человек-государство, анархизм, Э.В. Ильенков, Ф. Бродель, Л. Хайд.*

Одна из сквозных тем творчества Петрова — анализ идеи бога как высшего авторитета. Он считал, что эта идея производна от становления реальных авторитетных инстанций. Появление нового типа социальности в античности было связано «...не с вторжениями и постепенной эволюцией способа производства, а со скачкообразными изменениями социальной структуры в специфических условиях Эгейского моря, когда в нем появились большие корабли, а с ними пираты, и островное земледелие попало в такие условия, в которых стало невозможно жить по-старому, в профессионально-кастовых рамках традиционного общества ближневосточного или египетского типа» [Петров 1995: 64].

Э.И. Ильенкову такое утверждение не понравилось: «Это „не... а“ действительно не европейский способ мышления, а эклектический. Чем же эти скачки обусловлены? Откуда же сами пираты? Не оттого ли, что островное земледелие не могло прокормить будущих пиратов? Пираты сами следствие того же кризиса, который ты изобразил как следствие пиратства. Выдал — в стиле лучшего религиозного мифа — следствие за причину своего собственного следствия... Сын породил отца. Ты еще фыркаешь на Гегеля...

Пираты, крайний продукт разложения известной формы „репродукции“ материальной жизни, — превращены в принцип создания новой формы жизни и „репродукции“, — т. е. воспроизводства жизни. В этом есть та доля истины, что именно от продукта разложения формы жизни исходит инициатива ее разрушения. Но не созидания новой. Принцип „круши их рай, Атилла“, — а там видно будет — это принцип Бакунина, Ткачева и т. п. — то есть как раз классиков казарменного „коммунизма“. Того самого, против коего выступали и Щедрин и Маркс именно с позиций защиты культуры (т.е. форм воспроизводства — „репродукции“ в формах культуры, в ее рамках, а не вне их).

На вразумление Петров отвечал: «Почитай, потом нервничай!» «Откуда вся эта чушь? Прочитай сначала» [там же].

Э.В. Ильенков обвинял Михаила Константиновича в активизме пиратского толка, анархизме и революционаризме. Что же пропустил мимо ушей Эвальд Васильевич?

Рукопись «Искусство и наука» была завершена 2 декабря 1968 г. — более двух лет спустя после рукописи «Пираты Эгейского моря и личность», в конце которой стоит дата 7 сентября 1966 г. Именно в ней Петров сформулировал гипотезу о генезисе европейской личности. В этой работе Петров проанализировал ряд конкретных проблем: социальное и политическое значение письменности и грамотности; мера нормальности и ненормальности цивилизаций; сравнительный анализ цивилизаций с точки зрения специфики политической и научной деятельности; отношение между пиратами-мореходами, земледельцами и государством; разрыв между словом и делом как конституирующий элемент цивилизации, основанной на науке; творчество и административная мистика. По каждой из проблем он высказал нетривиальные выводы. Рассмотрю концепт «человек-государство», поместив его в контекст спора между Ильенковым и Петровым.

Просто чтение

Петров *выводил* религиозную эсхатологию из психологического напряжения, которое присуще мореплаванию вообще и пиратству в особенности. Эти профессии наладили жесткий отбор характеров. В живых и свободных оставались творческие люди, остальные угнетались или уничтожались. Отсутствие оригинальности и инициативы стали невозможны — они были прямой дорогой на тот свет. На море возникла начальная школа творчества, в которой любая плохая оценка становится катастрофой.

Мореплавание способствовало генезису палубной структуры, которая состоит из: железной дисциплины (примат слова над делом, подчинение всех воле одного человека); использование подчиненной слову силы для решения ситуаций; оперативного предвидения вместо долговременных прогнозов. Возникает творческий хаос и синтез нового порядка. В результате действия палубной структуры пират превратился в единого, всемогущего и всеведущего творца. По отношению к нему все стали рабами божьими — «организованной пиратом-богом в акте творчества и отчужденной для исполнения рабами его воли системой практических отношений к миру: „христианским миропорядком“» [там же: 227].

Процесс обучения творчеству состоит из двух потоков: продуктов творчества; продуктов административной тоски. В первом потоке каждое событие уникально, поскольку пират обладает самостоятельностью, изворотливостью, изобретательностью, смелостью, решимостью. В состав второго потока входят всем известные убеждения и стереотипы поведения: «начальство лучше знает»; поиск коллективной ответственности за неудачи; тоска по всезнанию, поскольку приходится прогнозировать уникальные события. Структура административной тоски напоминает структуру научной гипотезы, в которой всегда существует причинный вывод из новых и неизвестных посылок: «Прогнозирование в науке приобретает тот же синтетический смысл, что и деятельность пиратов на побережье Эгейского моря; разрушая естественный ритуал непознанного, наука синтезирует его в новый ритуал познанного и поставленного на службу человеку, то есть продельывает с природой разрушительно-творческую операцию того же типа, что и пираты продельывали над олимпийской государственностью» [там же: 232].

При анализе любого общества (цивилизации) следует исходить из конфликта между двумя видами письменности: как особой профессии государственных писарей; как социального института. Всеобщая грамотность способствует становлению законов теории: запрет на повтор; связь каждого нового текста с наличными. Эти законы подталкивали античных авторов к принудительному творчеству. Канонизация любого текста в священное писание блоки-

рует универсальную способность творчества. Поиск нового всегда связан с отрицанием всех существующих социальных отношений как ложных и неполных. Каждый обязан создавать свое особое отношение к миру. Оно является признаком гражданина и постоянным источником теоретической и политической смуты. Каждый человек-гражданин знает социальный ритуал и способен исполнить любую государственную должность.

Все виды деятельности требуют призвания и таланта. Политика — дело всех и каждого. Чтобы стать политиком не требуется ничего, кроме возраста. В любом случае человек не должен подгоняться под требования государственной машины, а эта машина должна соответствовать способностям человека. Человек-государство сам себе законодатель и исполнитель. Из таких индивидов состоит городская цивилизация.

Аграрная цивилизация устроена иначе: в любой момент можно переписать наличную «сумму технологий» — практических отношений к миру; номенклатура списка — это технологическая матрица, все элементы которой одинаково необходимы для существования общества и не могут быть уничтожены без компенсации новыми технологиями; технологическая матрица не менялась до XVII в.; Олимп — это универсальная система социальной памяти, сохранения и воспроизводства наличной социальной структуры и ее технологического ритуала; в этой системе все технологии распределены по конечному списку имен; имена объединены в матрицу кровно-родственными отношениями; при отсутствии всеобщего образования, газет и телевизора этот институт воспитывает новые поколения в преемственной связи с уходящими; возникает живое, органическое и действенное единство отношений к миру; нет идеи всеобщего — действия, вещи, технологии, человека, бога вообще.

В такой системе рост теоретических и практических отношений к миру может происходить только при сохранении целостности технологического ритуала. Процесс накопления нового фрагментарен и пассивен. Для объяснения этого процесса Петров вводит понятие рационализации. Рационализация закрывает дорогу новому. Накопление новых отношений к миру — постоянный спутник деятельности человека. Интегрирующим основанием могут быть различные условия: зависимость от ремесла, связанная с необходимостью замены выходящих из строя орудий новыми; опасность внешнего нападения; природные условия. Первая группа условий остается постоянной величиной для всех аграрных цивилизаций, вторая и третья могут варьироваться и давать различные социальные структуры: «В этих условиях понять состав «ключа», привязывающего земледельческий род или общину к государственному аппарату, значит во многом понять специфику данной социальности, ее стабилизирующие и возмущающие элементы» [там же: 197-198].

Петров сравнивал Грецию с Китаем по принципу специфики политической деятельности и анализировал аргументы о «научности» государственного управления Китая. В античности наука стала переносом в горизонт естественных явлений норм мысли и психологических установок, которые первоначально были выработаны в области социальных отношений. В Китае науки не было. Средиземноморское государство складывается как оборонительно-военная структура для защиты земледелия от внешних нападений. Глава китайского государства — это космологический регулятор типа министра по солнечным затмениям: «Критский ключ — военный, он расположен в горизонте внешнеполитических отношений. Китайский ключ — «естественен», он расположен в горизонте стихийных сил природы» [там же: 199].

Петров сравнивал два вида обеспечения: госаппарата продуктами земледелия; земледелия продуктами государственного регулирования стихий природы. Пока все идет гладко, государство и община равнодушны. Но талант и изобретательность уже ставятся на службу стабильности. Полоса отклонений от нормы не допускает обобщений по единому основанию, из-за чего теория невозможна. Эффект совместных усилий администрации и общин стремится к нулю: технологический ритуал и бюрократия обеспечивают взаимную стабильность. В итоге возникает тупик — прогрессирующий паралич самосознания, из-за чего невозможно

появление человека-государства с его способностью занимать в любое время по жребию государственной пост.

Человек-государство — это множество гражданских доблестей, которые невозможны без переплетения профессиональных и государственных навыков: «...полоса наложения не может ни возникнуть, ни развиваться в рамках государства как социальный институт или его внутреннее свойство, то есть новая социальность личного типа в принципе не может зародиться в недрах старой социальности профессионально-частного типа» [там же: 205].

Государство необходимо лишь тогда, когда оно может выдержать опасность. Крит был первым в истории морским государством, созданным ради защиты земледелия от морских набегов. Но искоренение этой угрозы означает разрушение основы государственной надстройки. Тем самым государство впервые попало в «чертов контур» (метафора Петрова) положительной обратной связи со следующими свойствами: возникла потребность в децентрализации военных сил; любое нападение вызывает ответ по укреплению именно этого слабого места; выравнивание оборонительного потенциала рассчитывается на большую (а не среднюю) опасность. За счет этого в пределах рода-общины накапливаются гражданские свойства. Автономность земледелия повышается за счет поглощения военно-оборонительной функции. Одновременно расширяется воспроизводство опасности морских нападений. Пираты выступают промежуточным продуктом и опосредующей сущностью. Возникает конкуренция между государством, пиратами и земледелием.

Чтобы выжить, государство вынуждено сохранять пиратов (как источник опасностей) и земледельческую общину (как предмет защиты). Но ни пираты, ни община не связаны с государством общностью судьбы. Они выступают могильщиками государственности. Государство оказывается третьим лишним. Горстка пришельцев с моря в состоянии определить судьбу огромного государства. В результате каждый человек обладает свойствами пирата, земледельца и гражданина. Такое переплетение становится естественной чертой социального развития. Возможность тройного синтеза (земледелие-государственность-пиратство) — наиболее устойчивый продукт эгейской социальной кухни¹.

Так возникает совершенно новая способность «...в любой момент раскалывать единство теоретического и практического отношения к миру и активно отчуждать через слово практическое отношение к миру для исполнения другими людьми, оставляя за собой монополию на теоретическое и на продукт отчуждения практических отношений» [там же: 218]. При этом возникает перенос центра тяжести на слово, которое мыслится носителем добра и определителем дела, тогда как в деле появляется и проявляется зло своеволия и неисполнения слова. Параллельно с ростом авторитета слова происходит развенчание дела. Дело переводится его в разновидность причины беспорядочной, на все согласной и обязанной подчиняться слову материи древних. Из перечисленных посылок и феноменов Петров выводил определение философии как осмысления разрыва между словом и делом. В ней изначально отражены: способность говорить одно, а делать другое; творчество по слову, в котором помехи возникают при исполнении.

Теперь суммирую основные идеи концепта «человек-государство». Корни религиозной эсхатологии восходят к психологическому напряжению, которое связано с вероятностью нападения. Универсальный процесс обучения творчеству включает потоки продуктов творчества и административной тоски по всезнанию. Наука проделывает с природой ту же разрушительно-творческую операцию, которую проделывали пираты над аграрным государством.

---

¹ Петров иллюстрировал эти общие положения анализом текстов Гомера. В «Одиссее» царская власть впервые начинает толковаться двусмысленно в отличие от власти в собственном доме. Ставятся под сомнение принципы «власть от бога» и «естественности власти». Оба принципа заменяются принципом ответственности человека за собственные поступки — власти по установлению вначале в рамках дома, а затем как принцип договорной государственности «по закону». Ставится под сомнение зависимость человеческой жизни от судьбы. Признается право человека на самоопределение.

Творчество не есть продукт свободного выбора, оно возникает под давлением обстоятельств. Канонизация любого текста в священное писание блокирует творчество как универсальную способность. Сумма технологий не менялась с античности до XVII в. Всякая рационализация закрывает дорогу новому. Специфика социальности (включая ее стабилизирующие и творческие элементы) определяется связью между земледельческим родом (общиной) и государственным аппаратом. Если талант и изобретательность ставятся на службу стабильности, общество попадает в тупик. Гражданские доблести невозможны до тех пор, пока нет наложения совокупности профессиональных и государственных навыков. Государство необходимо лишь тогда, когда оно может выдержать опасность. Государство впервые попадает в чертов контур тогда, когда возникает конкуренция между государством, пиратами и земледелием. Чтобы выжить, государство вынуждено сохранять пиратов (как источник опасностей) и земледельческую общину (как предмет защиты). Но судьба пиратов и общины никак не связана с государством. Они выступают могильщиками государственности. В любом случае человек не должен подгоняться под требования государственной машины, а эта машина должна соответствовать способностям человека. Город состоит из множества индивидов-государств, которые сами себе законодатели и исполнители.

Как относиться к данному концепту? Чтобы его оспорить, надо быть готовым защищать комплекс противоположных утверждений. Сформулирую их по принципу отрицания главных идей Петрова: религиозная эсхатология не связана с психологическим напряжением перед возможным нападением; процесс обучения творчеству свободен от продуктов творчества и административной тоски по всезнанию; генезис науки не связан с деятельностью пиратов и их разрушительно-творческими операциями над аграрным государством; творчество есть продукт свободного выбора, а не давления обстоятельств; канонизация любого текста в священное писание не блокирует универсальную способность творчества; сумма технологий менялась с античности до XVII в.; всякая рационализация открывает дорогу новому; социальность не состоит из стабилизирующих и творческих элементов; никакой связи между земледельческим родом (общиной) и государственным аппаратом не существует; развитие общества связано с постановкой таланта и изобретательности индивидов на службу стабильности; гражданские доблести существуют независимо от взаимосвязи профессиональных и государственных навыков; государство нужно даже тогда, когда оно не обеспечивает безопасность индивидов; конкуренция между государством, пиратами и земледелием не существует; государство безразлично к проблеме собственного выживания; пираты и земледельцы являются творцами государственности; государственная машина не должна соответствовать способностям человека, а человек должен подгоняться под ее требования; город не состоит из множества индивидов-государств, а законодательная и исполнительная деятельность не имеет к ним отношения.

Теперь каждый читатель может размышлять над комплексами приведенных противоположных суждений, а также над каждым из них в отдельности. Может выбрать, какой из комплексов суждений ему ближе по аксиологическим, когнитивным и политическим основаниям. Такой выбор нужен для того, чтобы: занять определенное место в споре между Петровым и Ильенковым; определить меру правоты того и другого; установить, какой из комплексов суждений ближе к истине. Понятно, что на выполнение этих задач могут потребоваться годы размышления и десятилетия исследований. В любом случае для разрешения спора требуется поместить его в контекст определенных теорий, не ограничиваясь при этом умозрительной рефлексией.

Возьму для примера обвинение Ильенковым Петрова в «активизме пиратского толка». Непонятно, против каких идей Петрова конкретно направлена критика Ильенкова. Имел ли он в виду суждения Петрова на темы социального и политического значения письменности и грамотности или меры нормальности и ненормальности цивилизаций или сравнительного анализа цивилизаций с точки зрения специфики политической и научной деятельности или

отношения между пиратами-мореходами, земледельцами и государством или разрыва между словом и делом как конституирующем элементе цивилизации, основанной на науке или же творчества и административной тоски? Ильенков по поводу этих проблем ничего не сказал, оценивая высказывания Петрова в рамках общей схемы воспроизводства социальности и социальных кризисов. Значит, критика Ильенкова бьет мимо цели и косвенно навязывает Петрову комплекс противоположных суждений.

Можно утверждать вполне определенно, что концепция «человек-государство» встроена в анализ всех указанных проблем и не существует в отрыве от них. Более того, данная концепция может рассматриваться как онтологический аргумент идеи Петрова относительно партии, в которой смыкаются идеология и наука. Я предлагаю: поискать пункт соотнесения взглядов Петрова с общими историческими концепциями, элементом которых является обсуждение темы пиратства в контексте Эгейского моря как части Средиземного моря и европейской культуры в целом. Иначе говоря, прав ли был Петров, высказывая суждение: «Морским разбоем здесь занимаются все» [там же: 66]?

Контекст гипотезы

Петров был философом и написал работу «Пираты Эгейского моря и личность» в 1966 г. Историк Фернан Бродель опубликовал свой знаменитый трехтомник о Средиземноморье в 1949 г. Проблемы методологии исторического исследования в целом, а также школа «Анналов» в особенности обсуждались среди московских историков и философов уже в 1950-е гг. Знал ли Петров концепцию Броделя? Этот вопрос относится к области историографии творчества Петрова. Без ответа на него нельзя установить меру оригинальности взглядов Петрова. Во всяком случае, пунктом соотнесения взглядов Петрова на культуротворческую роль пиратства может служить концепция Фернана Броделя, посвященная цивилизации Средиземного моря, частью которого является Эгейский архипелаг. Поэтому я предлагаю рассматривать пиратскую гипотезу Петрова в контексте наиболее важных результатов исследования Фернана Броделя².

Образ человека. В трудах Броделя содержится определенное представление о человеке. Активный человек есть творец окружающей действительности. Он создает движение в социальном пространстве. На основе деятельности эволюционируют человеческие возможности-невозможности, возникают цивилизации, государства, империи, города, дороги, войны и мирное существование. Человек вписан в социальное пространство на основе жизнедеятельности. После рождения человек обнаруживает большее или меньшее число уже существующих форм активности. Сфера свободы человека определяется социальным пространством. Процессы длительной временной протяженности — это структуры действительности. Они определяют сферу возможного и невозможного действия и мысли. Изменчивость структур наблюдать трудно. Поэтому они воспринимаются людьми и социальными группами как постоянно действующие факторы социального бытия. Человек вплетен в социальное пространство с помощью подвижных конъюнктур. Они заполняют социальное пространство «живым движением». Участник такого движения творит и преобразует то, что устойчиво, меняет структурный облик своей среды.

Коллективная судьба человека вписана в историю социальных, культурных и конфессиональных классов и групп, городов, государств, цивилизаций, империй. Общества преобразуются медленно. Поэтому в конечном счете ответственность за преобразование социальных групп падает на конъюнктуры. Ослабленный ритм экономической жизни и относительный регресс вызывает поляризацию на богатых и бедных. Хорошая конъюнктура благоприятствует социальной активности и мобильности групп и классов. Господствующее положение зани-

² Детально эта проблема рассматривается в первом издании этой книги.

мают те, кто обладает средствами производства, землей, флотом, кораблями, сырьем, готовыми товарами. Поэтому вплоть до XVIII века экономическое развитие на любом временном отрезке шло за счет «социального уничтожения».

Человек находится в кандалах своего социального окружения. На протяжении всей истории люди заключены в казематы — климата, флоры и фауны, земледелия, медленно возникающего равновесия, нарушение которого может привести к краху всего социального здания. Однако государственные мужи (типа Филиппа II или дон Хуана Австрийского) тоже несвободны: «Свободу каждого из них можно уподобить свободе человека, оказавшегося на маленьком островке или в тюрьме... Отрицаем ли мы значение индивида в истории, констатируя узость рамок его свободы? Я так не думаю, — пишет Бродель, — Я прихожу к парадоксальному выводу о том, что великим является тот человек действия, который отдает себе точный отчет в ограниченности своих возможностей, не пытается выйти за их пределы и использует силу неотвратимого, соединяя ее со своей собственной силой. Всякое усилие, направленное против глубинного течения истории — которое на поверхности далеко не всегда заметно, — заранее обречено на неудачу» [Бродель 2004: 429-430].

История и социальные процессы возникают вследствие переплетения социально обусловленных действий, которые ведут к ментальным, структурным и конъюнктурным преобразованиям социальной системы. Любые действия человека определяются историческими барьерами возможности. В противном случае их значение и следствия нивелируются железными социальными законами, навязанными структурными и конъюнктурными процессами. «Проблема не сводится к отрицанию индивидуального на основании того, что над ним господствует случай, но на преодолении его, отделению индивидуального от сил, от него отличных, на противодействии истории, произвольно сведенной к роли определяющих ее течение героев. Мы не верим в культ этих полубогов, или, проще говоря, выступаем против наглых и односторонних слов Трейчке: „Люди творят историю“. Нет, история творит людей и формирует их судьбу — история анонимная, глубинная и часто молчаливая» [Braudel 1971: 28].

Всеобщность разбоя. Бродель рассматривал пиратство в контексте идеи об анонимной, глубинной и молчаливой истории, как частный случай общего феномена войны. Пиратство — элемент социальной системы, возникшей в Средиземноморье. Эта система обладала свойствами самодвижения, иерархической и функциональной организации, открытости и отсутствия трансцендентных целей. Насилие существует в разных сферах деятельности человека и элементах социальной системы. Поэтому война — постоянный элемент существования общества. Война как форма насилия включает множество разновидностей: массовые формы индивидуального насилия (грабеж, разбой, бандитизм, мятежи, пиратство, корсарство, крестовые походы, джихад и пр.); военные конфронтации империй, цивилизаций, государств, городов, человеческих групп. Так называемый мирный период не свободен от насилия. «На всем средиземноморском пространстве шла охота на людей, которых захватывали, продавали, терзали; им доводилось испытать все ужасы, несчастья и мученичество, сопряженные с пребыванием в этих „мирах концентрационных лагерей“... «В той мере, в какой Средиземное море в целом было зоной непрерывных братоубийственных конфликтов между родственными цивилизациями, война стала постоянной чертой его бытия, и она оправдывает и извиняет морской разбой»... «Пиратство не было привилегией одного берега, одной группы, одного человека, ответственного или виновного в нем. Оно было повсеместно распространено» [Бродель 2003: 744-745].

На морских и сухопутных дорогах господствовал разбой. «Полицейская хроника городской жизни бледнеет на фоне кровопролитной истории средиземноморского разбойничества, как две капли воды похожего на морское пиратство. Эти два вида разбоя сопровождают жизнь Средиземноморья с давних времен, их происхождение теряется в глубине веков» [там же: 557-558].

Насилие — это привычка, превратившаяся в обычай: «Беспорядки продолжают ежедневно, ежегодно, на них обращают не больше внимания, чем на дорожные происшествия, и их участники, и пострадавшие, и свидетели, и репортеры, и само государство» [там же: 547]. На всем пространстве социального мира насилие выступало его постоянным свойством. Его проявления определяются Броделем как «первичные и вторичные войны», «войны нищих», «дешевые войны», «социальные войны», «ежедневные войны», «партизанские войны». Они претендуют на статус природных и освященных традицией явлений, ведутся по привычке в соответствии с определенными правилами.

«Однако эти привычные и бросающиеся в глаза образы, — пишет Бродель, — не исчерпывают проблему средиземноморской войны во всей ее целостности. Большой войны — пожалуй. Но как только она останавливает свой ход, на передний край выходят второстепенные формы — морской и сухопутный разбой, которые, разумеется, существовали и до этого, но теперь распространяются вширь и заполняют пустоты, как мелкая поросль в виде кустов и перелесков сменяет поваленный лес. Поэтому следует говорить о разных „уровнях“ войны, сопоставляя которые историки и социологи могут продвинуться в их понимании. Для нас важная диалектика взаимоотношений этих форм» [там же: 710]. Сравнение первичных и вторичных войн базируется на квалификации обоих как форм насилия.

Война была формой принудительного обмена на всем средиземноморском пространстве [там же: 764]. Эту оценку Бродель высказал в отношении пиратства (корсарства). Пиратство усиливается в «мирные» времена, компенсируя недостатки обмена. Пиратство как принудительный обмен происходит часто «внутри» воюющей стороны, а не только против прежнего противника. Поэтому различия между пиратством и традиционной войной несущественны. Товары и люди с помощью войны являются предметом потребления и направленного оборота, не соответствующего течению нормального (мирного) обмена. В последнем случае мы имеем дело с возвратом равновесия в мире обмена людей и товаров. Эта постоянная форма социальной активности была принципом существования социальных групп жителей портовых городов. Например, в Алжире «Все зависит ... от объема и результативности операций корсаров, в том числе и пропитание последнего погонщика мулов в городе, чистота улиц, за которой следят многочисленные рабы, а тем более количество новых построек, дорогостоящих мечетей, богатых вилл» [там же].

Самый фундаментальный аргумент Броделя звучит так: «Главным ... остается та прямо пропорциональная зависимость между пиратством и активностью средиземноморской жизни, я настаиваю на этом: они испытывают общие подъемы и общие спады. Если пиратство не оказывает существенного влияния на ход мирной торговли, это может объясняться снижением прибыльности этого занятия, вызванным, в свою очередь, общим средиземноморским упадком» [там же: 769]. «Не было бы торговых кораблей, не было бы и корсаров» [там же: 764].

Стало быть, формы и фазы войны компенсируют мирные и немирные фазы и формы обмена. Но они вынуждены использовать ее исторически допустимым способом, чтобы не ставить под угрозу свое существование.

Войны как элемент социальной системы. Приведенные суждения Броделя показывают, как формы войны вписываются в социальную систему, как война с нею связана, какие выполняет в ней функции, какое значение имеет для функционирования целого. Войны как «пыль повседневности» сосуществуют с другими формами активности человека. Экономика, финансы, деньги всегда ангажированы в проведение войны. Инфраструктура войны всегда базируется на громадных расходах. Постоянные войны требуют постоянных расходов. Небольшие военные бюджеты инициируют определенную тактику (строительство сторожевых башен и крепостей, заселение приграничных мест для защиты, содержание гонцов и целых сетей разведывательных служб и т.п.). Все это определяет отношение между военными издержками и доходами государей. Устанавливает различия между воюющими сторонами, роль

тактики, значение техники и их связь с материальными конъюнктурами: «Истошая эти доходы, война оказывает влияние на все сферы человеческой деятельности. При этом, постоянно совершенствуясь и изобретая все новые орудия, она не знает удержу и выходит из всяких границ, загоняя тем самым себя в тупик. Хронический недостаток средств, бесконечные задержки жалования солдатам, нехватка вооружений — все эти трудности, вечно угрожающие правителям и неотвратимые, как ненастная погода, рано или поздно приводят к миру» [там же: 714].

Короче говоря, Бродель разработал сеть категорий для вписывания концепции человека и феномена войны в социальную систему. Основными понятиями анализа являются насилие, диалог, конъюнктура, ментальность, цивилизация, обмен, равновесие. Эти категории обладают общим и открытым характером и специфическим историческим смыслом. Супер- и микро-цивилизации сами ведут (и в их сфере идут) различные войны в виде: форм социальной активности, заполняющей социальное движение-пространство; способов возвращения внутрисистемного равновесия; форм принудительного обмена; форм автокорригирования внутрисистемных отношений.

Войны — это формы движения с разными периодами осуществления. Среди них находятся постоянные войны, которые разыгрываются в соответствии с ритмами структур и длительных временных протяженностей. Все такие явления могут рассматриваться как постоянные и регулярно повторяющиеся. Броделя наиболее интересуют те формы войны, которые подчиняются движениям конъюнктур, или процессам среднего уровня.

Акцент на конъюнктурный уровень действительности и каузальный подход к истории ведет к анализу войны вне сферы событийной политики. Война в узком понимании обусловлена глубинными структурами, которые не в состоянии постичь хроникер и историограф-фактограф. Постоянные и сложные системы исторической действительности задают исторические необходимости, которые толкают цивилизации, империи, государства, группы к войнам. По мере постижения глубинных пластов истории мы сталкиваемся с цивилизационной идентичностью обществ, которые «вынуждают» военные контакты внутри и вне системы.

Понятие войны включает разные формы насилия, существующие в социальной системе. Бродель сопоставляет традиционные причины войн с истоками «вторичных войн» и «социальных войн». Это позволяет универсализировать исторические предпосылки войн до цивилизационного уровня в пространственном и временном измерении. Тем самым объясняется наличие насилия в жизни обществ. Война — это элемент идентичности социальной системы. Способ сосуществования войны с другими элементами социальных систем выражает ее историческую специфику. Способ ведения войны характеризует того, кто ее проводит, является формой выражения своего бытия в мире.

Такой обзор явлений войны и насилия дает возможность дистанцироваться от влияния мировоззрения (как внутрикультурной системы ценностей) на толкование роли, значения и природы войны. Война включена в понятийную сеть, которая позволяет нейтрализовать анализ от аксиологических постулатов. Но отсюда не следует, что описание мира как социальной системы достаточно для дистанцирования от оценки в конкретном исследовании. Здесь решающим оказывается факт: Бродель описывает действительность как процессуальную реальность. Актерами в ней выступают процессы, подсистемы и состояния системы. Индивиды не являются актерами истории. В конечном счете творцами истории являются люди, которые образуют культурные группы, общества, классы, профессии. Эти группы выступают как целостности, подчиненные закономерностям, вызывающим их существование. Вследствие этого война не есть следствие, намерение, индивидуальный акт. Война — это процесс в системе и его движение, равновесие, разные функциональные потребности. «Природа системы» порождает разные формы насилия.

Короче говоря, Бродель занимает свою позицию в вечной дискуссии о природе войны. Натуралисты (Гоббс, Юм, Гроций, Кант, Арон и др.) главной причиной войны считают «человеческую природу». Бродель усматривает главную причину войны в «природе» социальной действительности. На множестве примеров из прошлого он показывает вездесущность форм войны как проявление насилия в рамках социальной системы.

Генезис войн обусловлен в конечном счете постоянством социальной дифференциации. Богатые и бедные существовали всегда. Дифференциация образует движение в обществе. Поэтому оно является источником принудительного внутрицивилизационного обмена, включая обмен между обедневшим бандитизмом дворянства и людьми, которые являются объектом их нападения.

Броделевский образ истории направлен против событий. Такое видение войны порождает аксиологические проблемы. События — это действия людей, случаи — это следствия действий индивидов. Событийная историография так или иначе занимается толкованием индивидуальных действий. Для этого она использует категории цели, смысла, намерений, мотиваций, цены действия. Эти категории относятся к ценностям. Итог очевиден: война, разбитая на цепи событий и отдельные события, вызываемые индивидами (здесь обычно выступает причинно-следственная связь или ее приписывание), вплетена в выборы, а это уже цели-ценности. Отсюда уже один шаг к обоснованию отдельных действий в концепциях «человеческой природы». В соответствии с такой логикой событийная историография занята установлением индивидуальных исполнителей и виновников (вожди, властители, генералы и т. д.). А причины войны усматриваются в «естественных» склонностях людей к злу, вражде, случайности, врожденной агрессивности и т.д.

Бродель не делает человека ответственным за войну, поскольку человек не отвечает за наличие войны в социальной системе. Человек не вызывает войны как возможную форму действий, он «только» «использует» такую возможность. За существование войн можно возложить ответственность на историю. Она оставила в наследство такую форму человеческой активности, которую пока не удалось ничем заменить. Войной занимались по мере мнимой необходимости. Война рассматривалась как нормальная форма активности, подобно всем другим (даже на корсарство давалась лицензия). Пиратство было занятием многих поколений людей, из поколения в поколение находили в нем обоснование для его существования. Оно было исторической возможностью и необходимостью.

Таким образом, историографическая концепция Ф.Броделя связана с идеей вездесущности насилия. Пиратство — часть войны как элемента социальной системы, формы насилия, цивилизационной активности и обмена. Война — это имманентное свойство истории.

В свете сказанного упрек Ильенковым Петрова в активизме пиратского толка теряет смысл. Быть может, высказывая этот упрек, Ильенков руководствовался общим христианским представлением о пиратах как «врагах рода человеческого» [Дефо 2010] и не вдумывался в реальную сложность проблемы? Между тем взгляды Петрова на пиратство соответствуют научной историографии разработки проблемы, а не являются следствием его философских предпочтений.

То же самое можно сказать относительно обвинений Ильенковым Петрова в анархизме.

Что такое анархическая стабильность?

На обсуждении первого издания книги «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли» А.М. Старостин задал мне вопрос: «В книге вы правильно сказали, что есть много вещей, которые вызывают изжогу, аллергию органическую, нерв, который болит и его надо удалить. Но есть ли у вас позитивный образ науки? У вас все не годится, неправильно, не так. А какую науку вы бы хотели видеть? Мне это вдвойне интересно, потому что я в двух вузах проректор по науке, ищу некий позитивный прикладной образец. А

что мне строить — в оправдание для тех, кого я выпускаю? Можно вам заказать такой проект? Здесь сидящие разрабатывают для аспирантов философию и историю науки. Как вы позиционируете себя по отношению к Холтону, к Куну?»

На вопрос я отвечал так: «Я согласен с идеями Петрова относительно науки. Но предлагаю их дополнить соображениями Льюиса Хайда. В его книге «Дар. Как творческий дух преобразует мир» (вышла на русском языке в 2007 г.) есть глава, в которой наука рассматривается не столько как область конкуренции, сколько как сфера и чувство солидарности, объединяющее людей... Михаил Константинович Петров отвергал „науку для должности“. Вот это и есть позитивная программа».

Здесь я попытаюсь развить высказанные соображения. Мой тезис звучит так: эта часть творчества М.К. Петрова связывает его социологию науки с современными исследованиями проблемы анархизма. В частности, концепция Хайда базируется на изучении громадного исторического, этнографического, экономического, социологического и юридического материала. Я подчиню изложение данного материала задаче систематизации тех моментов концепции Хайда, которые относятся к науке и совпадают с идеями Петрова.

Добровольная и вынужденная солидарность. Л. Хайд обсуждает проблемы науки в главе под названием «Общество». В начале Хайд приводит две истории. Одна из жизни бушменов, вторая — из быта современного гетто.

В 1950-е гг. этнографы Лорна Маршалл с мужем жили в племени бушменов. При отъезде они подарили каждой женщине племени по одной большой и по двадцать мелких раковин — чтобы каждая сделала ожерелье. На следующий год супруги вернулись. Все раковины по одной были розданы всем членам племени. Такой способ распространения даров позволяет заменить атомизированные отношения индивидов обществом с более сложной организацией. Дар устанавливает и поддерживает связь между людьми, основанные на дружбе и любви. Если расширить циркуляцию дара за пределы обмена между двумя людьми, возникают сообщества (семья, гильдия, братство, шайка, община). Их структура основана на доверии и благодарности. Индивидуальный обмен дарами предполагает чувства отдельных личностей. Групповой обмен дарами — это гарантия анархической стабильности. Если группа связана дарами, то превращение их в товар вызовет ее раскол или уничтожение.

Вторую историю Хайд почерпнул из книги Кэрл Стэк «Вся наша родня». Она описывает отношение к собственности в городском гетто близ Чикаго. В этом черном квартале «родней» именуют всех, «на кого можно положиться». Каждая сеть состоит примерно из 100 человек.

Однажды Кальвин и Магнолия Уотерс получили наследство. Умер дядя Магнолии. Оставил ей по завещанию 1500 долларов. Впервые в семье возник запас денег. Пара надеялась купить на них дом. Но слух о привалившем богатстве распространился по родне. Появилась племянница и попросила у Магнолии одолжить ей 25 долларов — заплатить за телефон. Узнав о наследстве, Общество социального страхования урезало медицинскую страховку и лишило детей Магнолии талонов на бесплатные обеды. Потом заболел другой дядя Магнолии. Она с сестрой Огастой поехала за ним ухаживать. Купила билеты на поезд себе, сестре, трем племянникам. Едва вернулись, дядя умер. Пришлось опять тратиться на поездку. Затем умер «первый старик» Огасты, не оставив и цента на похороны. Сестра попросила Магнолию расплатиться с гробокопателями. Другая сестра просрочила за два месяца плату за квартиру. Магнолия оплатила и этот счет. Настала зима, дети и внуки (15 душ) были вынуждены сидеть дома — не было зимней одежды и теплой обуви для посещения школы. Магнолия и Кальвин купили всем пальто, шапки, ботинки. Кальвин купил себе башмаки. Через 6 недель деньги закончились.

На основе приведенных примеров Хайд фиксирует и анализирует три способа решения проблемы. Пара могла превратить свое состояние в капитал путем отделения от группы. Для

этого надо было прекратить участие в оказании помощи родне. Третьим способом является обман.

Какая же сестра «лучше» — жестокосердная или мягкосердная? На этот трудный моральный вопрос нет однозначного ответа. Первая сестра отделилась от группы. Вторая мечтала выбраться из нищеты, а на деле раздала свое богатство и осталась в группе. Значит, конфликт между обществом и индивидом пронизывает политические и этические аспекты нашей жизни. Но приведенные истории иллюстрируют основной тезис Хайда: группа организуется, соединяется в целое и остается устойчивой лишь тогда, когда собственность внутри нее циркулирует как дар. Если обмен дарами прерывается или они превращаются в товар, группа распадается. Магнолия могла превратить свои деньги в товар, одолжив их под проценты. Чтобы получить свои долги назад, ей потребовались бы вышибалы долгов, полицейские, судьи и прочие атрибуты государства. Но тогда конфликт с родней стал бы очевидным.

Приведенные истории описывают группы бедняков. Они трижды думают, прежде чем хвалить свое общество. Не романтизируют угнетение и нужду. Вынужденно прибегают к взаимопомощи. Она теряет блеск, если у людей нет выбора. Однако суть дела не сводится к пустыне и гетто. Такое видение «общества дарения» подтверждается анализом научного сообщества.

Анализ научного сообщества. Что происходит, когда научное знание циркулирует как дар или же превращается в товар для продажи и извлечения прибыли? Для ответа на вопрос Хайд опирается на работы американского социолога Уоррена Хагстрема, который изучил организацию науки в США с точки зрения обмена идеями в науке. Обычно направляемые в журналы рукописи называют вкладами в науку. А по сути это дары — ведь журналы почти не платят гонораров таким «вкладчикам». Наоборот, журналы обращаются в учреждение, где работает ученый, с просьбой оплатить стоимость публикации. «С другой стороны, — продолжает Хагстрем, — рукописи, за которые ученые получают плату, например учебники или популярные книги, если не подвергаются пренебрежительному отношению, то и не заслуживают такой высокой оценки, как статьи, содержащие данные об оригинальных исследованиях» [Хайд 2007: 130].

Получают признание и высокий статус в науке только те ученые, кто дарит коллегам свои идеи. Признание за написанный ради денег учебник не бывает высоким. «Если кто-то не написал в своей жизни ничего, кроме компилятивных текстов, то его ценность для науки равна нулю или даже отрицательной величине. Поскольку эта работа не приносит награды в виде признания, она оплачивается наличными. В отличие от признания коллег, наличные деньги можно использовать за пределами чистой науки», — подчеркивает Хагстрем. В отличие от признания и статуса деньги являются универсальным средством обмена. Причиной отрицательной оценки компиляций является тот факт, что автор учебника присваивает собственность сообщества и использует ее для личного обогащения. Поэтому гонорар отчуждает собственность и подобен ростовщичеству.

Ученые получают кредиты под идеи, которые приносят на алтарь науки. Но эти кредиты не выражаются в деньгах. Наемные работники (техники, лаборанты, обслуживающий персонал) получают почасовую плату и не являются членами научного сообщества. Они получают деньги за услуги. Плата отчуждает их от вклада в науку. Если ученый консультирует промышленную корпорацию, ему тоже платят. Если пользователь его идей не применяет их как дар, то ученый тоже не будет рассматривать их как дар. Этот обычай отличается от «платы за услуги». Он превращает в дар то, что считают рыночной сделкой. «Покупатель и продавец» принадлежат к одному сообществу и не могут извлекать выгоду из знаний друг друга. Здесь воспроизводится двойная экономика, характерная для племенных групп от Ветхого Завета до удука. Любой обмен (идеями или козами) становится обменом дарами, если он предназначен для признания, установления и поддержания сообщества.

Если сообщества спаяны дарами, то место денег занимают «статус», «престиж», «оценка». Ученые безвозмездно направляют статьи в журналы ради признания и статуса. Но не руководствуются ли они амбицией и эгоизмом? Не лучше ли объяснять поток научных публикаций теорией соперничества? Хайд имеет в виду статус, который достигается путем жертвования (дарения), а не приобретения. Это важное различие. Когда говорят, что кто-то сделал себе имя, то обычно думают о разбогатевших людях (типа Онассиса, Дж. П. Моргана, Г. Л. Ханта). Однако индейцы племени квакиутль делают дары, чтобы «сделать себе имя». Имя индейца «возвышается», если он отдает собственность, и «унижается», если получает. Наиболее возвысит свое имя тот, кто разорился на подарках. Имена квакиутлей — это не имена индивидов в подлинном смысле слова. Они обозначают общественное положение: Тот, чье богатство съели на пирах; Насыщающий; Тот, кто всегда раздает одеяла, выходя из дома; Тот, через кого проходит богатство; Тот, кто выбрасывает богатство в танце. Есть и сомнительные имена: Создающий проблемы везде, где появляется.

Большинство имен связаны с дарением собственности. Человек создает себе имя тем, что позволяет богатству уходить сквозь пальцы. Он может владеть вещами и распоряжаться их раздачей. Добродетель индейцев базируется не на приобретении, а на публичном отказе от богатства. В этом смысле есть *сходство* между индейцами и учеными. В науке принятие научным журналом присланных рукописей устанавливает донорский статус ученого. Такой статус может быть достигнут только подобными дарениями. Именно такие дарения обеспечивают ученому престиж внутри научного сообщества. Ученый приносит свои идеи на алтарь науки ради обретения статуса. Поэтому его имя у индейцев могло бы звучать «Тот, чьи идеи съедают на конференциях». Но его поведение не является показным, а статус не есть статус эгоиста. В экономике дарения допускаются своеобразная форма индивидуализма: сказать «Это дал я». Индивидуализм в экономике дара сводится к праву самому решать, кому, когда и как принести дар. Индивид контролирует поток собственности «от себя», а не к себе. То есть, это совершенно иной, не западный индивидуализм.

Многие ученые презрительно усмехнутся, если им сказать, что в научном сообществе с идеями обращаются как с дарами. Значит, это чувство им неизвестно, — резонирует Хайд. Взамен они расскажут историю об украденных идеях: один изобрел, другой быстро оформил патент; один обсуждал свои идеи с коллегой, а тот опубликовал их, не сославшись на автора. Ему нужны публикации, чтобы подтвердить степень и продлить срок пребывания в должности. Этого только и следует ожидать от раздробленной науки в капиталистических университетах, — констатирует Хайд. В них доминируют исследования по контрактам с крупными корпорациями и военным ведомством.

Хайд утверждает, что научное сообщество является таковым только в той мере, в какой идеи перемещаются в нем как дары. Все приведенные случаи подтверждают его точку зрения. Кража идей, извлечение доходов — это самовозвеличивание. Оно ломает и раскалывает группу. В реальной науке никто не будет обсуждать свои идеи с тем, кто имеет знакомства в патентном ведомстве. Человек, у которого сотрудник украл идею, перестанет с ним здороваться. Вор недолго протянет, если статус получают в зависимости от вклада оригинальных идей. Рано или поздно в нем почуют крысу. Дурная слава заменит престиж, плохая репутация займет место высокой оценки. В конце концов он станет изгоем научного сообщества.

Идеи могут рассматриваться в науке как дары потому, что это связано с функциями научного сообщества. Задача науки — описание и объяснение физического мира, создание единой совокупности теорий, которые подтверждаются фактами и могут их предсказывать. Отсюда вытекают причины, по которым идеи можно рассматривать как дары.

Задача собирания и обработки массы разрозненных фактов в единое целое не под силу одному человеку и поколению. Все интеллектуальные предприятия требуют участия сообщества ученых, чтобы каждый из них мог свободно купаться в идеях коллег. Черпать из их источника, чтобы в результате возник «коллективный разум», способный решать задачи, непо-

сильные одному человеку. Обмен идеями — подаренными, принятыми (или отвергнутыми) — составляет суть коллективного разума. Ученый может проводить исследования в одиночестве, но не в изоляции. Для достижения цели в науке нужно сотрудничество и координация усилий. Работа каждого ученого должна «подходить» к целому, как подогнанная деталь. Синтетическая природа обмена дарами делает его хорошим средством для внедрения идеи. Чтобы достичь прогресса в науке, надо объединять не столько людей, сколько их идеи.

На этой основе Хайд иллюстрирует общее утверждение: обращение дара может создать (сохранить) общность, а превращение даров в товары может раздробить (уничтожить) такую общность. Превратить идею в товар — значит установить границы, препятствующие ее свободному и бесплатному переходу от человека к человеку. Ценность или полезность идеи должна быть рассчитана и оплачена, прежде чем пересечь границу. Однако промышленные секреты (т.е., превращенные в товар идеи) сдерживают прогресс и интеграцию знаний. Каждая профессия может организовать свое сообщество, но оно не будет «научным сообществом»; в профессиональном сообществе могут возникать островки накопления опыта и знаний, но не будет механизма генерирования обобщенного разума. Не возникнет тело теории, которое можно было бы собрать воедино.

Современная промышленность посредством патентов устанавливает денежные барьеры на пути распространения идей. Патент отличается от цехового секрета. Исторически цех (гильдия) имели право хранить свой секрет бесконечно долго. Патент выдается на ограниченный срок (в США на семнадцать лет). Возникает возможность одновременно оплатить труд изобретателя и допустить медленное распространение идеи в область нерыночных отношений. Патент, авторское право и узуфрукт — это группа прав собственности, которые предоставляют право ограниченной эксплуатации. Такие права собственности — мудрый компромисс между даром и товаром. Эти права удовлетворяют потребность в личном обогащении и одновременно служат признанию прав и потребностей общества.

Внутри исследовательского центра корпорации может существовать микрокосм, в котором происходит обмен дарами. За воротами компании дары превращаются в товары. Они приносят прибыль, которая управляет потоком идей. В таких центрах ученые часто не могут отдать статью в журнал. Вынуждены ждать годами, пока компания защитит свой патент. В этом случае открытие появляется не как добровольный дар, а как идея-собственность. За ее использование или применение каждый должен платить деньги, гонорар или процент. Но высокая репутация принадлежит ученым, которые рассматривают свои идеи как дары. Обычно они занимаются чистой наукой, хотя получают меньше. Ученые-прикладники получают больше, зато менее известны и являются второстепенными членами сообщества. Коммерческий потенциал, заложенный в методе рекомбинантных ДНК, недавно породил дискуссию внутри научного сообщества именно на тему даров, товаров и целей существования науки. Не только биохимики с академическими степенями ушли на рынок и перестали рассматривать свои идеи как дар. Их примеру последовало несколько академических институтов³.

«Контрактная теория» организации науки. Затем Хайд анализирует связь между свободой и рынком. Идеология свободного рынка декларируется как свобода индивида. С точки

³ Например, осенью 1980 года Гарвардский университет изъявил желание найти корпорацию, которая хотела бы использовать сплайсинговую генную технологию, разработанную на одном из факультетов. Идее такого сотрудничества воспротивились (а затем и вовсе отвергли) по нескольким причинам, первая из которых заключалась в порождении конфликта между характерными для коммерческих компаний требованиями секретности и свободным обменом идеями, каковому и посвящена деятельность академической науки. Ведущий генетик Массачусетского технологического института доктор Джонатан Кайнд по этому поводу заметил: «В прошлом одной из сильных сторон американской биомедицинской науки был свободный обмен материалами, штаммами микроорганизмов и информацией... Но теперь, коли уж вы санкционировали и утвердили частное клонирование и патентование микроорганизмов, то потеряли возможность рассылать свои штаммы, так как вам абсолютно не нужно, чтобы они попали в лаборатории общественного сектора. Ученые перестали свободно, как раньше, делиться друг с другом штаммами бактерий и результатами своих исследований».

зрения индивида часто действительно существует связь между свободой и товаром. Но все кардинально меняется, если смотреть на вещи с точки зрения группы. Сообщество дарения накладывает на членов определенные ограничения, но они гарантируют свободу дара. Строгий смысл «академической свободы» означает свободу идей, а не индивидов. Индивиды обладают свободой высказывать идеи, рассматриваемые как дар групповому разуму, и свободой принадлежать к этому разуму. Если любая идея имеет реальную рыночную цену, то все обсуждения и познавательная способность группового разума должны пропускаться через фильтр рыночного механизма. Но рынок — крайне неуклюжее орудие проведения дискуссий. Если идеи рассматриваются как товар, они не могут обращаться свободно⁴. На свободном рынке люди вышли на свободу, но идеи оказались под замком, — таков ключевой тезис Хайда.

Некоторые формы организации (военные ведомства и промышленные компании типа «Дженерал моторс») противодействуют обращению даров. На основе их деятельности была разработана так называемая «контрактная» теория организации науки. Ее основное положение гласит: ученых можно мотивировать стремлением к власти и деньгам; они занимаются исследованиями только для извлечения этих благ из кого угодно (компания, потребителя, правительства), кто готов дать рабочее место и деньги. Но такая система вознаграждений ведет к образованию групп особого сорта. Хагстром, а вслед за ним Хайд подчеркивают: именно там, где люди работают только с целью получить выгодный заказ, высокую должность или звание, результаты исследований тривиальны, не являются истинными вкладами в сокровищницу знания. Если существует жесткая конкуренция за рабочие места и деньги, и эти вторичные цели становятся главными, то все больше ученых втягиваются в гонку. Они спешат напечатать «оригинальные» работы, невзирая на то, какими чуждыми для целей научного сообщества могут оказаться эти работы. Короче говоря, контрактная теория организации науки «ответственна не за организацию науки, а за ее дезорганизацию» [Хайд 2007: 140]. К сожалению, этот факт только начинает осознаваться.

Конечно, в науке есть обмен дарами и конкуренция. Наряду с коллективным трудом в ней присутствует махровый индивидуализм. Но научное сообщество в строгом смысле слова есть группа, внутри которой знания обращаются как дар. Лишь *после появления* сообщества можно говорить о расколе, несогласии, фрагментации, сегментации, дифференциации, диспутах и прочих нюансах и прелестях интеллектуальной жизни. Но науке трудно сменить направление, если начать с обмена идеями на основе частной собственности, индивидуализма и личной прибыли. А затем пытаться координировать усилия ради создания гармоничной всеобъемлющей теории. Контрактная теория может послужить только основой организации бизнеса. Включая тот, который привлекает на службу ученых. Но обмен дарами будет составлять часть господствующих в науке отношений до тех пор, пока цели науки будут требовать интеллектуальной общности, способной к рассуждениям и созиданию цельной теории.

Согласно Хайду, наука — это аномальный пример сообщества, возникшего на основе обращения даров, хотя научные идеи являются «холодными» дарами. Дело не в том, что среди ученых нет страстных натур. Просто напечатанные в журнале идеи не несут в себе эмоциональной непосредственности, характерной для большинства даров. Под влиянием превращения идей в товар происходит фрагментация научного сообщества. Но по сравнению с распадом семьи (и общины) она не является вопиющей. В этой связи Хайд приводит пример свадебных даров на островах Полинезии. Осуществляют девять основных и множество дополнительных даров между родственниками жениха и невесты. После свадьбы все оказываются связанными со всеми. Еще более сложны дары по поводу инициаций и похорон. Возникают

⁴ Журнал «Сайенс» сообщает об одном случае в Калифорнии, когда группа, занимавшаяся исследованиями ДНК, решила запатентовать методику, которую другие тамошние ученые считали общим достоянием, идеей, которую надо еще не раз обсудить и взвесить. Один академический ученый, чувствующий, что его вклад в науку бессовестно эксплуатируют, заметил по этому поводу: «Раньше существовал добротный здоровый обмен идеями и информацией между нашими исследовательскими группами... Но теперь мы начали запираť двери».

непрерывные и охватывающие всю группу одолжения, благодарность, надежды, память. Так формируются живые социальные чувства. Постоянный обмен дарами обычно не приносит «экономической» выгоды. Зато вместо скопища людей возникает сообщество. Если дары превращаются в товар, приобретаемый за деньги, то каждый обмен разделяет или освобождает его участников. В итоге сообщество исчезает.

Дар как всеобщий социальный феномен. Затем Хайд анализирует политическую форму экономики дара, определяя дар как анархистскую собственность. Обмен даров противостоит централизованной власти и бюрократической иерархии. Марсель Мосс в «Эссе о дарах» описал генезис современного контракта. Он поставил вопрос: не является ли обмен дарами примитивной формой укрепления тех союзов, которые сегодня скрепляются юридическими письменными соглашениями? На этот вопрос он дал два ответа: можно рассматривать обмен дарами как архаичную форму правовой организации группы и как тотальный социальный феномен. В нем одновременно проявляется влияние религиозных, правовых, моральных, экономических и эстетических институтов. Лишь после их дифференциации правовой контракт стал отдельным учреждением.

С опорой на классическое исследование Мосса Хайд осуществляет тотальную критику сложившихся стереотипов в сфере экономики и права.

В процессе дифференциации возникло различие между «реальным» и «личным» законом — то есть между естественным законом вещей и человеческим законом для людей. В экономике дара такое различие смазано, ибо вещи рассматриваются как личности и наоборот. Личность и вещь, живое и мертвое различаются духовно, но не рационально⁵. Строгое различие вещи и человека — характерная черта позднего римского законодательства и современного мира. Мосс замечает: «Это фундаментальное различие: оно является непрременным условием существования части нашей экономической системы, основанной на собственности, отчуждении и обмене. Но эта система чужда обычаям, которые мы только что рассмотрели».

Юридический контракт рядится в тогу «контракта» дарения. Санкционированный законом контракт может формализовать единство обмена дарами путем отделения обмена от других элементов «тотального социального феномена». Такой обмен теряет эмоциональное и духовное содержание. Обязательства и чувство долга превращаются в простые экономические и юридические отношения. Контракт по закону — это рационализация даровых уз, так же как ростовщичество является рационализацией роста в обмене дарами. Контракт (договор) и ростовщичество имитируют структуру экономики дарения, но из нее улетучивается «неэкономическое» чувство.

Если говорить об обмене дарами с политической точки зрения, то политику надо выводить из природы контракта дарения. Мосс ввел термины для политических мифов на эту тему. Но они не годятся для анализа анархической собственности. Обычно историки анархизма начинают с рассказа о правлении анархистов в Мюнстере в начале XVI века. Различные религиозные движения Реформации были направлены не только против папства, но и против новой (а на деле старой римской) концепции собственности. Эта концепция позволяла местным князьям, пользуясь установленными законами, превратить «общинное достояние» — поля, леса и реки — в частные заповедники.

---

⁵ Мосс утверждает, что в древних римских законах вещам приписывали личностные качества и достоинства, которыми они обладали как таковые. Вещи не инертные предметы, как их трактуют законы Юстиниана и нынешние законы. Они — часть семьи. Древнеримская *familia* — это не только люди, но и «домохозяйство», включая все предметы домашнего обихода вплоть до пищи и предметов обстановки. Позже римский закон начинает различать экономические и ритуальные интересы. Теперь он делит *familia* на *res* (вещи) и *personae* (людей). И тем самым «выходит за пределы устаревшей и опасной экономики дарения, отягощенной личными пристрастиями, несовместимой с развитием торгового рынка и повышением производительности — то есть, короче говоря, не являвшейся экономикой».

Против таких «римских» идей было направлено множество движений. Но предтечами современных революционеров были только анабаптисты. Они требовали уничтожить гражданскую власть, власть судейских и чиновников. Крещение — это прямой и непосредственный контакт с Господом Богом. Поэтому любой посредник (государство *или* церковь) не только излишен, но и порождает безверие. Ничто не должно стоять между человеком и его внутренним светом, который придает смысл и форму всем действиям и поступкам.

Мюнстер сильно пострадал от чумы, экономического упадка, больших налогов. Добрая часть горожан обратилась в веру анабаптистов и захватила власть в городе. Из города были изгнан его номинальный правитель — вестфальский епископ, католики и лютеране. Епископ осадил город с армией наемников. Горожане стойко держались, пользуясь общественными запасами продовольствия и одежды. Истинно верующие считали, что Мюнстер вскоре станет вторым Иерусалимом. Первым церемониальным действием, ознаменовавшим взятие власти в городе и наступление новой эры, стало сожжение всех письменных договорных и долговых документов.

В 1842 г. Вильгельм Вейтлинг написал: «Наступит время, когда... мы разожем огромный костер из банкнот, векселей, завещаний, налоговых списков, рентных контрактов и долговых расписок и каждый бросит в костер свой кошель...». К старому списку отмены контрактных и долговых отношений Вейтлинг добавляет отмену денег. Эта идея вошла в программы европейских анархистов, которые призывали заменить обмен денег бартером.

Тридцать лет спустя Энрико Малатеста начал действовать в духе идей Вейтлинга. В 1877 году он с группой соотечественников создал базу в лесах близ Неаполя, а затем начал двигаться от города к городу, уничтожая государство. Историк Джеймс Джолл пишет: «Колонна анархистов вступила в деревню Лентино утром в воскресенье. Они объявили короля Виктора-Эммануила низложенным и совершили анархистский ритуал сожжения архивов — то есть записей о держании собственности, долговые обязательства и налоговые списки».

Неизвестно, были ли брошены в костер кошельки, — иронизирует Хайд. По сути, все приведенные факты являются фактами общей истории борьбы между юридическим контрактом и сердечным контрактом. Вслед за анабаптистами анархисты объявляли недействительными и уничтожали те объединения, которые отрицали основанную на чувстве анархическую спаянность и были склонны к насилию. Правда, редко встречаются общества, существующие только на основе душевных привязанностей. Большинство обществ имеют объединения, санкционированные отчужденным от чувств законом. Однако уже в Древнем Риме семья поделилась на вещи и людей. В современном мире закон все глубже вторгается в царство сердечных привязанностей. Закон пытается усилить узы, которые в прежние времена скреплялись смутными чувствами доверия и благодарности. Но закон не может соединить людей и обеспечить порядок. Закон вытесняет эмоциональное и духовное содержание из целостного социального феномена, Сам процесс осуществления законодательства требует определенного общества. Такое общество должно базироваться только на антагонизме и расчете, которые исключаются из общественных отношений духом обмена дарами. Дух дара лишен точности и не обязательно требует ответного дара. Дар не порождает антагонистических отношений должника и кредитора, постольку суды не в состоянии распутать дела о неблагодарности. Сердечный контракт выходит за пределы действия закона. Если сердечный договор заменяют правовыми отношениями, круг обращения даров сужается.

Истории от анабаптистов до анархистов отражают твердое убеждение: жизнь подавляется кодификацией контракта и долга. Поэтому отвергаются не только кодифицированные долги, укрепляющие позиции господствующего класса. Отрицается любая кодификация, которая поощряет разделение вещей и духа, отбрасывает феномен общественной цельности и возвращает социум в первобытное прошлое, ослабляя основанный на чувствах договор. Сожжение долговых расписок — это попытка воспроизвести двойственность и расплывчатость, которые придают общественный характер обмену дарами. Поэтому уничтожение долговых

расписок и прочих юридических актов не является антиобщественным актом. Напротив, оно призвано освободить от юридических оков благодарность как духовное чувство и средство укрепления общественных связей. Георг Зиммель определял благодарность как нравственную память человечества. Анархизм освежает эту память. Она тускнеет, если моральные обязательства превращаются в законодательно утвержденный долг и угодливость. В сердечные союзы вступают по желанию, остаются в них из чувства благодарности и покидают по собственной воле. А теперь они заменяются невидимым господством чисто законодательных связей.

Нередко утверждают, что обмен дарами может лежать в основе экономики только малого сообщества людей. Если общность удерживается как единое целое с помощью эмоций, то ее численность имеет верхний предел — от 100 до 1000 человек. Если численность группы становится больше, чувства гаснут. Идущие по улицам больших городов незнакомцы не смотрят в глаза друг другу потому, что не желают лишних контактов. Эмоциональные отношения на основе обмена дарами могут существовать только в обществах ограниченной численности. Однако научное сообщество организуется на основе специфических задач и является исключением из этого правила. Оно не претендует на то, чтобы кормить, лечить, женить, выдавать замуж своих членов. Научное сообщество может существовать за счет обмена дарами и одновременно быть многочисленным, — делает вывод Хайд.

Проблема современного мира. Но остается нерешенным вопрос о современном мире, к которому упорно апеллируют анархисты. Как сохранить истинную общность в массовом обществе, доминирующей ценностью которого стал обмен стоимостями, а нравственность превратилась в закон и право?

На этот вопрос Хайд дает определенный и решительный ответ. Анархизм оформился в политическую философию на рубеже XIX-XX вв. К тому времени идея договора имела уже длительную историю. В XVII- XVIII веках теоретики «общественного договора» исходили из посылки: атомарные единичные связи соединяют отдельных людей в первобытном договоре. На этой основе они постулировали механизм объединения людей в государство. Наиболее показательный пример — теория Гоббса. Она противостоит теориям анархистов.

По мнению Гоббса, до общества существовало «естественное состояние», в котором люди занимались обоюдным убийством. Поэтому человек руководствовался только эгоцентрическими желаниями, амбициями, жадностью, гордыней. Любой альтруизм сводился к эгоистическому интересу. По счастью, индивиды нашли страх смерти как объединяющую их ценность. Разум увел их из естественного состояния и привел к безопасной общественной жизни. К несчастью, разум слабее человеческих страстей, которые антиобщественны по своей природе. Поэтому в общественную жизнь пришлось включить абсолютную власть. Она обладает силой держать человека в «благоговейном страхе». Гоббс снабдил свое государство четырьмя опорами: эгоизмом, страхом смерти, разумом, благоговением перед властью.

Постоянная черта теории «общественного договора» — представление о пропасти между первобытным и цивилизованным человеком. В трактовке Гоббса первобытному человеку присуща агрессивность, «вечная и неутолимая жажда власти после получения власти». Он живет в условиях бесконечной войны. Не знает ни упорядоченной общественной жизни, ни общественной и частной собственности. Живет воровством или грабежом. Первобытный и цивилизованный человек — это два различных *вида* людей. Из такого различия исходит Гоббс в понимании политики — ради объединения людей она требует договора и диктует форму договора.

Гоббс начинает изложение своего учения о политике с исторической фантазии, согласно которой хаотичное первобытное туземное прошлое замещается цивилизацией. Этот сдвиг происходит тогда, когда люди согласны отказаться от своего права на применение личной силы в пользу установления публичной власти. Таким образом, общественный договор выводит человека из его естественного состояния и создает цивилизацию. Но договор потребовал-

ся именно по той причине, что без него нельзя доверяться человеческому поведению. То есть у Гоббса всегда существует смесь недоверия и закона, каковая приводит к парадоксальной политике, в которой законы природы не могут успешно соблюдаться вне рамок искусственно придуманной организации. Получается, что естественный закон устанавливается лишь искусственной силой, и только власть предоставляет свободу разуму.

Анархисты основывают свою политику на другой идее и предлагают другое решение. Они исходят из факта: современное государство стало политической реальностью только в конце XIX в. До тех пор анархизм не мог стать строгой политической философией. Но даже в начале XX в. анархизм не стал политикой в чистом виде. Он остался приложением этики к политическому мышлению. Хайд уподобляет анархическую идею царской водке, которую надо регулярно лить на государство и его машину. И смотреть, сколько можно выесть до тех пор, пока народ не начнет страдать больше, чем он страдает под игом закона и государственной власти. Анархист исходит из допущения о доброй природе человека, утверждая, что закон сам по себе есть причина преступления. Анархист чувствует родство (а не пропасть) между первобытным естественным человеком и современным цивилизованным человеком.

Для обоснования этого тезиса Хайд приводит факты и соображения. Русский князь и анархист Петр Кропоткин реально наблюдал жизнь первобытных племен. Он родился в аристократическом семействе, получил высшее военное образование, был рационалистом и ученым-географом, признанным в научных кругах. В молодости участвовал в экспедиции в Центральную Азию. Хайд приводит оценку этой экспедиции Джеймсом Джоллом: «Представляется, что первобытные племена, которые мы наблюдали, руководствуются в своей общественной жизни регулирующими ее обычаями и инстинктами, не испытывая никакой нужды в правительстве и законах. Для Кропоткина примитивное общество, столь далекое от того, чтобы быть похожим на изображаемый Гоббсом конфликт и войну всех против всех, напротив, стало образцом, показывающим, что сотрудничество и «взаимопомощь» являются, скорее, естественным состоянием человека, не испорченного правительством и законами, каковые возникают из «желания правящего класса придать устойчивость обычаям, наложенным им в своих интересах и к своей выгоде», в то время как единственное, что требуется для гармоничной жизни, — это «те обычаи, полезные обществу... обычаи, которые не нуждаются в законе для того, чтобы внушить к себе уважение».

Кто же прав — Гоббс или Кропоткин? Гоббс не выезжал из Англии дальше Франции. Кропоткин изучал реальных первобытных людей. Поэтому Кропоткин ближе к истине. Однако истинная жизнь первобытных племен начала изучаться только по мере появления этнографии как эмпирической науки. Эссе Марселя Мосса — первая синтезирующая работа по этнографии. Мосс в архаике искал корни современности. Его выводы можно считать гибридом взглядов Гоббса и Кропоткина. С одной стороны, разъяснения Мосса позволяют понять, что дух дара не воспроизводится законом и не может быть выведен из разума. С другой стороны, вслед за Гоббсом Мосс не считал эмоции движущей социальной силой, подчиняя их разуму. Он писал: «Противопоставив разум эмоциям... люди успешно ухитрились заменить союзы, дар и обмен войной, изоляцией и застоєм». В другом месте он толкует о «тоталитарном дарении». Под этим термином он понимает постоянный, всеобъемлющий обмен дарами, говоря при этом, что «несмотря на то, что эти обмены имеют место под маской полной добровольности они на самом деле являются строго обязательными, и их нарушение равносильно скрытой или явной войне» [Цит. по: Хайд 2007: 152-153].

По мнению Хайда, приведенные ранние представления о первобытной жизни лучше определить как выражения характера, а не как политическую науку или этнологию. Один характер (П. Кропоткин) чувствует большее родство с аборигенами, полагает страсти общественными, а в основе жизни полагает добрую волю. Другой (Т. Гоббс) чувствует дистанцию, щедрость воспринимает как жажду власти, полагает страсти эгоистичными, на место доброй

воли ставит эгоизм. И поэтому вынужден привлекать разум и власть, чтобы вывести из них возникновение общества.

Эти два характера различаются отношением к роли страстей и разума в образовании общества. Гоббс не знает общественных страстей. Он вещает на основе собственной декларации: жизнь в природе «одинокa, отвратительна, жестока и коротка», в противовес которой «разум предлагает удобные понятия о мире... называемые законами природы». Разум формулирует законы для обуздания страсти. Общественная жизнь возникает лишь тогда, когда каждый отдельно взятый человек непонятным образом приходит к убеждению, что он должен подавить какую-то часть своей натуры. Согласно Гоббсу, основания общественной жизни предполагают ограничения, отделение правящих от управляемых и опору на закон (со всеми его функционерами — полицией, судом и тюрьмами). Только при таких условиях можно обеспечить порядок.

Вердикт Хайда однозначен: Гоббс совершает двойной обман — во-первых, что страсть уничтожает общественную жизнь, во-вторых, что насилие ее сохраняет. Этот двойной обман как раз и оспаривает анархическая теория. Общественная жизнь мотивируется чувством, но имеет жесткую структуру, устойчивость и прочность. Существует множество точек соприкосновения между анархистской теорией и обменом дарами как основой экономики. Обе теории полагают, что человек щедр и готов к сотрудничеству «по своей природе»; не приемлют централизованную власть; подходят для малых групп и рыхлых федераций; опираются на сердечный договор и его примат над договором кодифицированным. Но представление о даре как об анархической собственности справедливо потому, что анархизм и обмен дарами базируются на допущении: общность и общество людей появляются не тогда, когда подавляется часть самосознающей личности, но когда эта часть отдается ради общего блага.

То же самое можно сказать о фразе Мосса: «обязанность ответного дара». Здесь акцент делается на слове «обязанность», и движущей силой ответного дара является страх, а не добровольность. Здесь Мосс повторил Гоббса. На практике многие обмены дарами являются смесью страха (или вины) и чистосердечного желания. Но мы должны отметить, что так же логично можно перевернуть предпосылки и допущения Мосса и сказать: «противопоставив *эрос* разуму... люди умудрились заменить дар войной» или что «войны ведутся под маской добровольности... но в действительности из страха перед скрытой или явной дружбой». В противном случае основными эмоциями становятся страх и эгоистический интерес, дух *hau* трется, и мы снова возвращаемся к разуму, навязывающему закон и власть.

Когнитивные доноры, паразиты и ростовщики

Подведем итоги. Индивидуальный обмен дарами предполагает чувства отдельных личностей. Групповой обмен дарами — это гарантия анархической стабильности. Различные способы решения проблемы добровольной и вынужденной солидарности фиксируют универсальность конфликта между обществом и индивидом.

Рыночный механизм не годится для нормального функционирования научного сообщества. В науке получают признание и высокий статус только те, кто дарит коллегам свои идеи. Все остальные формальные члены научного сообщества являются паразитами и ростовщиками. Ценности научного сообщества связывают архаику и современность. Ученый — это когнитивный донор. Институты современной науки (университеты, военные ведомства и промышленные организации) не соответствуют этой функции. Научное сообщество является таковым только в той мере, в какой идеи перемещаются в нем как дары. Обмен идеями образует суть коллективного разума. Чтобы достичь прогресса в науке, надо объединять не столько людей, сколько их идеи. Превращенные в товар идеи сдерживают прогресс и интеграцию знаний. Строгий смысл термина «академическая свобода» означает свободу идей, а не индивидов. Если идеи рассматриваются как товар, они не могут обращаться свободно. На свобод-

ном рынке люди вышли на свободу, но идеи оказались под замком. В большинстве современных научно-академических учреждений результаты исследований тривиальны, не являются научными вкладами. Контрактная теория организации науки дезорганизует науку. Наука — это аномальное сообщество, возникшего на основе обращения даров.

Дар — это анархистская собственность или «тотальный социальный феномен». В нем одновременно проявляется влияние религиозных, правовых, моральных, экономических и эстетических институтов. Римская концепция собственности позволяет социальным и политическим группам с помощью установленных законов превратить общее достояние в частные заповедники. Поэтому гражданская власть, власть суда и чиновников была и остается сомнительной. До сих пор продолжается борьба между юридическим контрактом и сердечным контрактом. Закон не может соединить людей и обеспечить порядок. Закон вытесняет эмоциональное и духовное содержание из целостного социального феномена. Сам процесс осуществления законодательства требует общества, которое базируется только на антагонизме и расчете. Уничтожение долговых расписок и прочих юридических актов не является антиобщественным актом. Напротив, оно призвано освободить от юридических оков благодарность как духовное чувство и средство укрепления общественных связей.

Таким образом, Хайд развивает идеи Петрова относительно научного сообщества и бесплодности государственной организации науки, высказанные на полсотни лет раньше. Размышления Петрова о судьбах рукописей в естественных и общественных науках получают неожиданную поддержку со стороны современных антропологических исследований и теории анархизма.

Бродель Ф. 2003. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*. Часть 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. — М.: Языки славянской культуры.

Бродель Ф. 2004. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*. Часть 3. События. Политика. Люди. — М.: Языки славянской культуры.

Дефо Д. 2010. *Всеобщая история пиратства*. — СПб.: Изд. группа «Азбука-классика».

Петров М.К. 1995. *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность*. — М.: РОССПЭН.

Хайд Л. 2007. *Дар. Как творческий дух преображает мир*. — М.: Поколение.

Braudel F. 1971. *Historia I trwanie*. — Warszawa.